

Исследовательская статья

УДК 130.2 141.33 304.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-162-180>

Концепты мысль, ум, познание в стихах поэтов-любомудров и в лирике Е. А. Баратынского

Татьяна Александровна Кошемчук

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия
koshemchukt@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

Аннотация. Научное рассмотрение философской лирики русских поэтов актуально прежде всего в силу влияния поэзии на развитие российской культуры в целом: её невозможно представить без поэзии XIX в., сформировавшей литературный русский язык; философский мир русской поэзии влияет на формирование общего культурного пространства современной России. Целью данного исследования является установление путей концептуализации творческой саморефлексии поэтов-мыслителей 20-х и 30-х гг. XIX века; его задачи — (1) выявление соответствующих концептов (получивших переосмысление присутствовавших ранее поэтическихproto-концептов) путём поиска релевантных понятий и образных решений, а также (2) попытка проследить их эволюцию в творчестве самих этих поэтов и в ближайших по времени поэтических рефлексиях. Материалами исследования послужили стихотворения поэтов-любомудров (Д. С. Веневитинова, С. П. Шевырёва и А. С. Хомякова), а также их современника Е. А. Баратынского, не принадлежавшего, как известно, кругу любомудров, но развивавшего темы, близкие их философско-поэтическим исследованиям. Анализ выбранных произведений, разумеется, проводился и ранее, причём в различных научных призмах. Избранная в данном случае оптика философии культуры позволяет сконцентрировать внимание на специфическом философском дискурсе, раскрывшем в русской культуре первой трети XIX в. потенциал осмыслиения как самостоятельных поисков, так и поисков немецкой мысли, воспринятой на фоне русской традиции. В работе использован контент-анализ (для выявления в ручном режиме наличия концептов, связанных с философской саморефлексией), а также категориальный анализ, дополненный в отдельных случаях феноменологическим подходом и дискурс-анализом. В результате исследования установлено, что концептуализация творческой рефлексии прослеживается в таких понятиях, как ум, мысль, познание, а также в сопряжённых с ними (дух, небесные края, взлет, вдохновение и др.); и в бинарных оппозициях, таких как свет/тьма, день/ночь, разум/сердце, жизнь/смерть. Так что в целом выделенная в исследовании тематическая линия представляет собой своего рода поэтическую феноменологию процесса познания. При этом ранний этап ее становления (период 1820-х и 1830-х гг.), прежде всего её первое развитие в поэзии любомудров, связан с концептуализацией в рамках романтической темы фигуры идеального поэта. Одним из атрибутов его образа, наряду с вдохновением, становится ясная мысль, охватывающая мироздание в восторге познания, соединённая в гармоническом равновесии с сердцем и душой. Показано,

что концепт мысль обретает развернутое выражение в таких стихотворениях, как «Мысль» Шевырева, «Думы» Хомякова, «Всё мысль да мысль...» Баратынского. Историко-культурный и семантический анализ поэтического текста позволяет выявить драматический поворот: оптимистический пафос приобщения мысли к высшему миру (поэты-любомудры) сменяется во второй период развития исследуемой темы глубоким скепсисом: истинное познание представляется недостижимым (Баратынский). В отражениях поэзии Баратынского усматривается этап входления мысли в период испытаний и разочарований. Устремление поэта за грань чувственного, охлаждающее его душу к земному бытию, сталкивается с неодолимыми препятствиями, гармония ума и сердца оказывается иллюзорной. Эта описанная в стихах Баратынского мыслительная ситуация характеризуется как драма познания. Выявленная в статье поэтическая феноменология мысли — лирические отражения процесса познания и самопознания — обогащает понимание своеобразия русской поэзии и культуры в целом.

Ключевые слова: лирика поэтов-любомудров, лирика Е. Баратынского, концепт, самосознание, феноменология мысли, тема поэта, тема познания

Для цитирования: Кошемчук Т. А. Концепты мысль, ум, познание в стихах поэтов-любомудров и в лирике Е. А. Баратынского // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 4. — С. 162–180. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-162-180>

Research article

The Concepts of Thought, Mind, and Cognition in the Poems of the Poets — Lovers of Wisdom and in the Lyrics of E. A. Baratynsky

Tatjana A. Koshemchuk

Saint-Petersburg State Agrarian University, Saint-Petersburg, Russia
koshemchukt@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

Abstract. Scientific study of the philosophical lyrics of Russian poets is relevant above all due to the impact of poetry on the overall development of Russian culture: it is impossible to imagine Russian culture without the poetry of the 19th century, which shaped the literary Russian language; the philosophical universe of Russian poetry influences the formation of the shared cultural space of contemporary Russia. The purpose of this study is to establish ways of conceptualizing the creative self-reflection of the poet-thinkers of the 1820s and 1830s. Its objectives include (1) identifying relevant concepts, including those that reinterpret pre-existing poetic proto-concepts, through analysis of imagery and thematic patterns, and (2) attempting to trace their evolution in the works of these poets themselves and in the nearest poetic reflections. The research materials are the poems of the poet-lovers of wisdom (D. S. Venevitinov, S. P. Shevyrev and A. S. Khomyakov), as well as their contemporary E. A. Baratynsky, who, as it is well-known, did not belong to the circle of “lovers of wisdom”, but developed themes close to their philosophical and poetic pursuits. The analysis of the selected works has previously been conducted from various scholarly perspectives. However, the philosophy of culture perspective adopted here enables a focus on the specific philosophical discourse that reveals, in early 19th-century Russian culture, the potential for understanding both independent intellectual pursuits and the search for German thought through the lens of Russian tradition. The study employs content analysis, to manually identify the presence of concepts related to philosophical self-reflection, as well as categorical analysis, supplemented in some cases by a phenomenological approach and discourse analysis. As a result of the investigation, it was established that the conceptualization of creative reflection can be traced in such concepts as mind, thought, cognition, as well as in related concepts (spirit, heavenly regions,

rise, inspiration); and in binary oppositions such as light/darkness, day/night, mind/heart, life/death. Overall, this thematic line represents a kind of poetic phenomenology of the cognitive process. At the same time, the early stage of its formation (the period of the 1820s and 1830s), primarily its initial development in the poetry of the "lovers of wisdom", is associated with the conceptualization of the figure of the ideal poet within the framework of the Romantic theme. One of the attributes of his image, along with inspiration, is a clear thought that embraces the universe in the rapture of knowledge, combined in harmonious balance with heart and soul. It is demonstrated that the concept of thought finds its detailed expression in such poems as *Thought* by Shevrev, *Thoughts* by Khomyakov, and *All thought and thought...* by Baratynsky. Historical-cultural and semantic analysis of the poetic texts allows us to reveal a dramatic turn: the optimistic pathos of introducing thought to the higher world (poets-lovers of wisdom) is replaced in the second period of the development of the topic by deep skepticism: true knowledge seems unattainable (Baratynsky). In the reflections of Baratynsky's poetry, the stage of the entry of thought into a period of trials and disappointments is seen. The poet's aspiration to transcend the boundaries of the sensory world, which cools his soul toward earthly existence, encounters insurmountable obstacles, the harmony of mind and heart turns out to be illusory. This mental situation described in Baratynsky's poems is characterized as a drama of cognition. The poetic phenomenology of thought revealed in the article — lyrical reflections of the process of cognition and self-knowledge — enriches our understanding of the uniqueness of Russian poetry and culture in general.

Keywords: lyric poetry of poets-lovers of wisdom, poetry of E. Baratynsky, concept, self-awareness, phenomenology of thought, the theme of a poet, the theme of cognition

For citation: Koshemchuk, T. A. (2025) 'The Concepts of Thought, Mind, and Cognition in the Poems of the Poets — Lovers of Wisdom and in the Lyrics of E. A. Baratynsky', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(4), pp. 162–180. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-162-180>

Введение

Соотношение слова и мысли — тема, которая волнует мыслителей не первое столетие, а может быть, даже тысячелетие. Можно даже не начинать с Платона, как это делают многие исследователи, указывающие на художественную ценность его философских текстов, достаточно вспомнить «недавние» по историческим меркам размышления Канта, Гегеля и Шеллинга или искания немецких романтиков, объединивших литературу, поэзию и философию. Не остались в стороне философы и писатели XIX, XX и XXI вв., от Бодлера, Мадзони, Борхеса и Камю, до Бердяева, Р. Барта, Делёза, Нанси и Бадью, в чьих

сочинениях тема соотношения философии и искусства конкретизируется в вопросе о философичности поэтического и литературного творчества. Разобраны подобные подходы и в российском философско-антропологическом и культурно-философском дискурсе, где представлены как сравнительно небольшие работы, так и объёмные исследования¹ [Колесников, 2000; Подорога, 2012; Бибихин, 2009; Капилупи, Силянтьева, 2015; Симонов, Королев, 2021: 14; Климова, 2023].

Острые философские дискуссии современности раскрывают названную тему на новом материале и под новым углом зрения, причём всё чаще на смену классическому противопоставлению «литературоцентричного мышления»

¹ Розанова М. С. Философия и литература: сравнение европейской и американской традиции // Рабочие тетради по компаративистике / Гуманитарные науки, философия и компаративистика. Санкт-Петербург: Сайт Web-кафедра философской антропологии, 2003. С. 99–103. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/rozanova-ms/filosofiya-i-literatura-sravnenie-evropeyskoy-i-amerikanskoy-tradicii>

и философии приходит тезис о неразрывной связи поэтики в широком смысле слова с мыслью в её глубинном проявлении.

Отметим, что ещё в упомянутой выше работе известного российского исследователя А. С. Колесникова в контексте этих дискуссий были упомянуты идеи любому́дров [Колесников, 2000]. Развивая данный подход, обратимся к исследованию философской поэзии в ракурсе развёртывания одной из её тематических линий — *феноменологии мысли*², взяв за основу поэзию любому́дров, Д. С. Веневитинова, С. П. Шевырёва и А. С. Хомякова, и сравнив её ключевые находки с идеями поэзии Баратынского, которая представляет собой иную, более позднюю стадию процесса концептуализации творческой саморефлексии поэтов-мыслителей 1820–1830-х гг. Этот процесс будет рассмотрен сквозь призму ключевых концептов — *мысль, познание, ум*. Будут выделены два этапа развития поэтической феноменологии мысли в русской поэзии, органически связанных общим интересом к поиску глубинных духовных основ поэтического творчества. Эти два этапа почти совпадают хронологически, но различны по своей сути как разные поэтические отражения процесса самопознания культуры, как явления различного исторического возраста, как восторженная юность и стремительное взросление с его первыми горькими плодами. Многогранную сложность и первую гармонизацию концепты мысль, ум, познание обрели в поэзии Пушкина, которую следовало бы рассмотреть как среднюю стадию процесса³, однако в силу ограничений, налагаемых предметом нашего исследования, мы опустим рассмотрение этой средней фазы.

Отметим, что при несомненном интересе к философскому творчеству поэтов-любому́дров со стороны филологов, историков, философов и культурологов, обратившихся к широкому кругу вопросов об их включённости в исторический и литературный процесс своего времени,

образном строе поэзии, об отражении в ней культурных кодов национальной и европейской культуры и т. д. [Носов, 1981; Васильев, 2010; Рамазанова, 2011; Греков, 2012; 2020; Константинова, 2016; 2022; Юрина, 2017; Денисов, 2021; Ермичев, 2022], указывавших в том числе на связь исканий поэтов-любому́дров с немецкой теоретической философией своего времени [Киселев, Пушкарева, 2019], от внимания исследователей ранее ускользала тематическая линия, актуализированная в концептах *мысль, ум, познание*, связанных с процессом саморефлексии поэтов-любому́дров. При этом, однако, имеются работы о самом феномене творческой саморефлексии поэтов-любому́дров [Федорова, 2018], а также о путях формирования в их творчестве концепции цельного знания [Кошарный, 2013].

Пути концептуализации: мысль, ум, познание

В рамках поиска путей концептуализации творческой саморефлексии в поэзии любому́дров ключевыми являются понятия *мысль, ум, познание*. Ставшие многосторонними концептами, они в отражениях русских поэтов, стремящихся воплотить в своих стихах процесс познания мира и самопознания, образуют особую тематическую линию *мысли* — наряду с такими, как Бог, мир, природа, путь поэта, и рядом других, в совокупности образующими единство смысловое пространство философской лирики. Подчеркнём, что речь в этой статье пойдёт не о поэзии *мысли* в целом (ей в настоящее время исследователями уделяется значительное внимание), но именно об одном из аспектов русской философской поэзии. *Познание, ум, мысль*, звучащие в стихах первой трети XIX в., не просто знаки новой, рождающейся лирической темы, это именно *концепты*, отсылающие к развертыванию нового этапа в развитии русской культуры. Эти *концепты* становятся

² Курсив в статье используется для выделения значимых слов в основном тексте и в цитатах.

³ Об этом см.: [Кошемчук, 2025]

зародышами новых концепций личности, отражают новую веху в становлении «Я» поэта, который может среди феноменов мира выделить собственную мысль, удивиться её невиданным и не понятым ранее потенциям и пережить процесс познания, заданный философски, как лирическую тему. Это познавательное переживание поэта является в статье объектом исследования, и он охарактеризован как своего рода поэтическая феноменология мысли. Термин в предложенном контексте, перенесённый из философии в лирическое поле, обретает метафорическое звучание и подчёркивает, по сходству, обращённость поэта-мыслителя на саму мысль в её чистой опытной самоданности, как она предстает перед его внутренним взором, мысль выделяется в потоке сознания — переживания мира, созерцается в своей скрытой ранее жизни⁴, и осознание её фиксируется в поэтическом слове, в мысли поэта о мысли.

Этот гносеологический по сути аспект философской лирики как единое целое ранее внимание исследователей не привлекал. Конечно, критики не могли не отметить отдельные стихотворения, в самих названиях которых или в их первой строке звучит слово «мысль», как, например, стихотворение С. П. Шевырёва «Мысль», А. С. Хомякова «Думы» или Е. А. Баратынского «Всё мысль да мысль...». О них высказано немало глубоких суждений. Но, взятые в общем контексте, эти стихи, вместе с рядом других, образуют сложную динамическую целостность, более ёмкую, чем просто сумма отдельных произведений, — являются единую концепцию, отражающую некие глубинные черты русской культуры. Далее в статье будет рассматриваться начальный период развития новых концептов, которые разрастутся в целое древо в философии и созвучными ей глубокими и тонкими нотами обогатят поэзию.

Концепты ум, познание, мысль в поэзии 1820-х и 1830-х гг. стали отражением того процесса, который прот. Г. Флоровский обозначил как «душевный сдвиг», произошедший в русской культуре в первой трети XIX в. при воздействии немецкого идеализма. Речь идёт о пробуждении мысли: вспыхнула «философская страсть»⁵, и философия «вобрала в себя религиозный пафос»⁶. Становящееся русское философование проходило немецкую мыслительную школу, восторги погружения в новый мир отражались и в жизни, и в творчестве целого поколения русских мыслителей и поэтов. Нужно отметить, что если ранее в России, при освоении открывшегося широчайшего поля европейской философии и науки, преимущественное внимание уделялось французской культуре, то именно эпоха любомудров знаменовала поворот к немецкой мысли. Изучение идеалистической немецкой философии и популяризация этого направления были основными целями «Общества любомудрия» (1823 г.). Круг чтения его членов описан в мемуарах А. И. Кошелева (к которым обращаются все пишущие об этом периоде русской мысли): «Тут господствовала немецкая философия, т. е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтённых нами творениях немецких любомудров. *Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед;* христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу...»⁷. И далее: «Всего более занимали нас немецкие философские сочинения. <...> Немецкая философия, и в особенности творения Шеллинга, нас всех так к себе привлекали <...>, и все наше время мы

⁴ См.: [Свасьян, 1987].

⁵ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 235.

⁶ Там же, с. 244.

⁷ Кошелев А. И. Записки (1812–1883 годы). Berlin, 1884. С. 7.

посвящали немецким любомудерам»⁸. Отметим, что в приведённых словах мемуариста, емко и лаконично рисующих круг философских интересов его единомышленников, в контексте исследования поэтической феноменологии мысли особенное значение приобретают выделенные курсивом слова (ранее не акцентированные исследователями): «Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед». Речь идёт именно о немецкой теории познания, которая определила значимость и философской, и поэтической темы мысли для поэтов-любомудеров. Чуткие к зрелым плодам немецкой культуры, они были готовы немедленно их освоить, принять и пережить как откровение. При этом идею познания и самопознания русские мыслители стремились разрешить по-своему, продолжить, уже на этапе освоения вставая по отношению к воспринятому в критическую позицию с точки зрения собственной духовной традиции⁹.

Поэты, начиная с любомудеров, стали непременными участниками этого процесса — великого ледохода русской мысли¹⁰, причём даже саму поэзию рассматривали как изначальный источник философии и как способ философствования. Они

воспринимали мир как загадку для мысли, а собственное мышление стало не только темой философского анализа, но и одним из объектов поэтических созерцаний и размышлений. Тема, казалось бы, отвлечённая и тем самым не близкая поэзии, но переживаемая личностно, интимно и страстно, проникала в лирическое творчество, облекаясь в язык образов и в нём раскрывая свои особенные коннотации.

Д. В. Веневитинов (1805–1827) в своём философском и поэтическом творчестве выразил восхищённое приятие нового¹¹: «Самопознание — вот идея, одна только могущая одушевить вселенную; вот цель и венец человека. Науки и искусства, вечные памятники усилий ума <...> представляют не что иное, как развитие сей начальной и следственно неограниченной мысли»¹². Труд поэта, как утверждается далее,начен на то, чтобы «...испытать дух свой и гордо провозгласить торжество ума», а история убеждает, что названная цель человека «есть цель всего человечества...»¹³. Идея самопознания открывала для философа и поэта огромные светлые горизонты, внушала восторженный жизненный оптимизм (подобных восторгов, заметим вскользь, не вызвала в русской поэзии XVIII в. рационалистическая мысль эпохи¹⁴).

⁸ Там же, с. 8–9.

⁹ О стремлении к философской самобытности писал И. Киреевский: «Философия немецкая вкорениться у нас не может. Наша философия должна развиться из нашей жизни <...> ...стремление к философии немецкой, которое начинает у нас распространяться, есть уже важный шаг к этой цели». См.: Киреевский И. Обозрение русской словесности за 1929 год // Критика и эстетика. Москва: Искусство, 1979. С. 68.

¹⁰ Выражение М. О. Гершензона. См.: Гершензон М. О. История молодой России. Москва: Типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. VIII.

¹¹ О значении идеи познания и о философии как источнике восторга и вдохновения для любомудеров см.: [Щербатова, 2024].

¹² Веневитинов Д. В. Несколько мыслей в план журнала // Полное собрание сочинений. Москва-Ленинград: Academia, 1934. С. 216.

¹³ Там же.

¹⁴ Не имея возможности здесь подробно остановиться на зарождении поэтической феноменологии мысли в поэзии XVII в., отметим, что в ней мышление проявляет себя какproto-концепт. Так, в оде «Бог» Г. Р. Державина понятие «мысль» (в целом нечастое у этого поэта) в своём ярчайшем выражении возникает в контексте богословской идеи о величии и о непознаваемости божества: «Лишь мысль к тебе взнестись дерзает, — / В твоём величию исчезает, / Как в вечности прошедший миг». Так для поэта мысль в сопоставлении с Богом подобна мигу в сравнении с вечностью. А в стихотворении «Евгений. Жизнь Званская», где подробнейше описана жизнь поэта в поместье и куда вложено немало мыслей, например, о Творце и о собственной жизни, «мысль» как понятие отсутствует: она вне наблюдаемого мира. Но факт её, сам процесс — «я мыслю» — Державин констатирует, и не как в стихах Кантемира (я выражая то или иное мнение), но в духе рационального века: я размышляю, высказываю суждения о сущности Бога и мира. Вот редкий пример из оды «Бог». Моя душа — пишет поэт, — стремится к Тебе, жаждет, чтобы Ты — был, думает о Тебе, «...вникает, мыслит, рассуждает: / Я есть — конечно, есть и ты!» Так в стихах выражено умозаключение: если есть я, значит, есть и Ты. Можно привести и шутливое наблюдение над своим мышлением, обратившимся к фантазированию («Фелица»): «Курю табак и кофе пью; / Преобращаю в праздник будни, Кружу в химерах мысль свою: / То плен от персов похищаю, / То стрелы к туркам обращаю...». И если Державин говорит с порицанием о надменном уме или суетном уме, если он проповедует: «Вельможу до лжны составлять / Ум здравый, сердце просвещенно», — то мы не обнаружим здесь феноменологии мысли и ума, то есть созерцания мышления. Но ум как proto-концепт здесь явлен с очевидностью.

Умственное проникновение в философскую сферу, как казалось, одаривавшее обретением истинного смысла бытия, ярко выразилось в поэзии Веневитинова. В ней идеи ума становились поэтическими идеями, окрашивались лирически; понятия философии входили в поэтический словарь: *мыслить, думать* — эти глаголы, изначально (уже у Кантемира), используемые привычно, вводящие то или иное мнение или соображение поэта, обрели теперь не бытовое, не обыденно-разговорное, а философское звучание, а собственная мысль (*дума*) стала феноменом, предлежащим эмоционально насыщенному созерцанию. В лексику поэтов включаются такие «непоэтические» слова, как *познание, размыщение, сознание, разуменье*. Поскольку главенствующее значение для поэтов-любомудров имела романтически окрашенная идея поэтического творчества как воплощения божественного вдохновения, тема *познания и мысли* звучала поначалу именно в её рамках. Эта сопутствующая тема лишь иногда выходила на первый план.

Веневитинов написал полсотни стихотворений за отпущеные ему считанные годы творчества, и в десятке из них обнаруживается тема *ума, познания, мысли* — в беглых и фрагментарных воплощениях. В стихотворении «*Поэт*» (1826) к образу возвышенного поэта, «*сына богов*», «*любимца муз и вдохновенья*», добавлен «*строгий*» и «*ясный*» *ум*¹⁵. Этот ум не являет себя публике, в облике поэта отражена погруженность в мыслительный мир:

ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном взоре¹⁶.

Основной тон жизни поэта — молчание, и его гений-покровитель назван «тихим гением *размышления*»¹⁷. К читателю

в finale стихотворения обращён призыв пройти мимо поэта с благоговением, не нарушая этого «священного» безмолвия. Так существенной характеристикой идеально-го поэта стал мир его *мысли* — в тональности строгости, ясности, тишины.

В других стихах воплощаются иные грани образа поэта, с неизменной доминантой *вдохновения* и с попутно звучащей темой мысли, которая устремлена к познанию бытия. Так, в стихотворении «*Я чувствую, во мне горит...*» (1826 или 1827) показана образная картина кипящего жизненного моря, в котором поэт стремится ради спасения обрести «*утёс*», на который можно опереться. Голос в душе поэта даёт «*прорицание*», соответствующее философическому духу времени: «...открой глаза на всю природу», читай «*тайны вечного творенья*»¹⁸. А далее вновь звучит идеальная тема стихотворения «*Поэт*»: тогда «*тихие струны*» души поэта «*сольются в стройные созданья*»¹⁹, в «*пламени*» которых будут воплощаться «*беглые мысли*» поэта²⁰.

Стихотворение «*Три участя*» (1827) утверждает, в тональности изящной щутки, долю поэта, в сравнении с участью политического деятеля и с участью праздного ленивца. Образ поэта здесь тот же, что и ранее: он познаёт природу («*сдружился с природой*»), он всё в мире облекает «*в стройные звуки*»²¹ (как велел ему *тайный голос*), в нём главенствуют ум и вдохновенье, и здесь ум поставлен на первое место:

И ум непокорный воспитан свободой,
И луч вдохновенья зажегся в очах²².

Первенство ума утверждено и в завершении стихотворения, в описании, как бы от противного, не данной поэту участи — праздного счастливца, у которого «...глубокие думы души не мутят...»²³ и который не знает вдохновения.

¹⁵ Веневитинов Д. В. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1960. С. 89.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 118.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 103.

²² Там же.

²³ Там же.

Но главные мысли о мысли высказывались поэтом в сонете «К тебе о чистый Дух, источник вдохновенья...» (1825). Поэт обращается к Духу, который руководит его жизнью, Дух — объект устремления его мысли. К Нему «...на крыльях любви несётся мысль моя...»²⁴, — пишет поэт, высказывая свою философскую идею о цельности познавательных сил человека. Здесь отражается важнейшая черта гносеологии, разделяемой всеми любомудрами, — связь познания с любовью. И в названном стихотворении Веневитинова впервые в русской лирике выразилась столь значимая для русской культуры тема единства мысли и любви. Причём поэтом дан тонкий оттенок, который прочитывается в образной ткани стихотворения, а не в прямом высказывании мыслителя: действенное начало — мысль, она устремляется к Духу своей волей, не находя для себя ничего на земле, а любовь есть для мысли несущая сила, крылья, без которых невозможно устремление ввысь.

В этом же стихотворении впервые прозвучала и драматическая нота в теме познания. Единственная интенция мысли — чистый Дух, повторяет поэт: «...всё зовет её в небесные края». А в конце — в третий раз: «...силится мой дух к тебе парить»²⁵. И эта троекратно утверждённая цель познания, Дух, *небесные края*, оказывается недостижимой: Дух «облек себя в завесу тайны вечной», стремление — «напрасно»²⁶. В этой горестно прозвучавшей ноте ощутим и оттенок упрёка: поэт устремлён к познанию высшего, но Дух, сам, закрыл себя от проникновения устремлённой к нему мысли. У Баратынского (о чём далее) будет выявлен другой, тёмный смысл этого препятствия и драматизм углубится до безысходности. Пока же стихотворение Веневитинова не завершается этой нотой, но поэт утверждает

в качестве выхода ещё один путь, оставшийся как путь поэта к Духу: «Тебя читаю я во глубине сердечной, / И мне осталось надеяться, любить»²⁷. Остались любовь и надежда — без познания. Даже если мир рухнет и воцарится хаос, — усиливает поэт эту мысль в заключение: «Пусть сетуют среди развалин мира / Любовь с надеждою и верою святой!»²⁸. Поэт уверяет себя, что драматизм мысли, несомой любовью, но не допущенной к познанию Духа самим Духом, может разрешиться на ином — на внутреннем пути любви.

Здесь нужно подчеркнуть значимость поэтического языка образов для поэта-мыслителя, который философствовал на языке дискурсии: поэт способен обогатить мысль философа тонкими и глубокими смыслами. А. И. Пигалев писал о необходимости рассматривать поэтический язык «в качестве средства познания» и утверждал, что точность этого языка делает поэзию «орудием познания» [Пигалев, 2023: 17]. Но важно при этой констатации раскрыть: что именно познано средствами поэзии? Чтобы показать, как именно поэзия становится *орудием познания*, нужно расшифровать заложенные, зашифрованные в её языке обогащающие смыслы. Именно это и было сделано выше: впрямую Веневитинов не утверждал с горечью: раз Дух, увы, сам запретил нам познание Себя мыслью, нам остается только искать Его в *сердечной глубине*; верный, то есть *мыслительный* путь познания, закрыт, остаётся лишь путь чувства; пусть это *святые* чувства, но приведут ли они к искомому? Их удел — *сетование*... Эти оттенки проявлены именно в поэтическом самопознании. Ведь образ даётся поэту свыше, уже готовым, он не есть продукт измышления, но посыпается поэту вдохновением, — так писал В. Соловьёв²⁹, который и по опыту поэта знал тот предмет, о котором он размышлял как философ.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. Москва: Наука, 2000. С. 239–241.

Говоря о Веневитинове, нужно отметить ещё одну особенность поднятой им темы мысли. В стихотворении «Поэт и друг» (1827), знаменитом предсказании о своей недолгой жизни («Ты в мире молнией промчишься...»³⁰), скорую смерть поэт объясняет сбывшимся познанием, осуществлённым им постижением высшего: «Природа не для всех очей / Покров свой тайный подымаает...». А для того, «...кто жребий довершил, / Потеря жизни не утратил»³¹. За этими словами «...жребий довершил...» стоит прикровенное: поэт все силы отдал постижению высшего, природа подняла для его очей свой тайный покров, цель познания достигнута. Так что теперь поэт даёт оценку своему творчеству как бы со стороны, словами героя стихотворения, старца, который сказал бы о нём:

Он дышит жаром красоты,
В нём ум и сердце согласились
И мысли полные носились
На легких крыльях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!³²

Согласие ума и сердца поэт видит в себе самом как осуществлённое. Здесь ещё раз стоит зафиксировать одно из первых поэтических отражений той линии русской философии, которая будет устремляться к целности человека, к всецелому уму, кциальному знанию. И это осуществление утверждается поэтом как плодотворное, даровавшее «мысли полные» и знание жизни. О том же говорится и в стихотворении «К И. Герке» (1825): блажен тот, «кому небесное — родное», кто сочетает «разум с пламенной душой»³³. Это соединение мысли, разума и мечты, души — высшее достояние поэта. На пути к этому единству, заданному в самом начале пути русской

мысли, мыслителям и поэтам будет суждено обнаружить глубину и сложность задачи. Но пока юный поэт ощущает задачу разрешённой и в «Последних стихах» (1827) предлагает читателю свой завет:

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй...³⁴

Он призывает чтить вдохновение выше ума и верить истинному поэту-пророку (каковым он считает себя) — «С дарами выспренных уроков, / С глаголом неба на земле»³⁵. Он вновь прикованно указывает на достигнутое с помощью вдохновения — на дары выспренных уроков и на сведение на землю глаголов неба. В этой связи можно только ещё раз сказать о невосполнимости той потери, которой стала ранняя смерть поэта.

С. П. Шевырёв (1806–1864), чьи лучшие стихи были написаны в 1820-ые гг., исходил из той же высокой идеи самопознания, что и Веневитинов. Его стихотворения «Я есмь» и «Мысль» уже своими названиями привлекали внимание исследователей, рассматривавших философскую лирику Шевырёва, и анализировались в русле концепции поэзии³⁶. Отметим важнейшие нюансы его поэтических мыслей о мышлении и познании. В стихотворении «Я есмь» (1825) особенно значим для темы самопознания его итог:

Как в миг созданья вечный Бог
Узрел себя в миророжденьи,
Так смертный человек возмог
Познать себя в своём твореньи³⁷.

В этом уподоблении человеческого творчества творению божественному заключено то зерно, которое прорастет

³⁰ Там же. С. 142.

³¹ Там же. С. 143.

³² Там же. С. 144.

³³ Там же. С. 80.

³⁴ Там же. С. 145.

³⁵ Там же.

³⁶ См., напр.: [Косяков, 2006]. Основная идея статьи сформулирована в её названии «Бессмертие творческой мысли в лирике С. П. Шевырева». В ней мысль понимается как творческая идея поэта, которая не умирает вместе с её автором, но вечно живёт и развивается далее.

³⁷ Шевырев С. П. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1939. С. 2–3.

далее в русской философии творчества. Но нужно прочитать в словах поэта не только эту общую идею, но и нюансы, скрытые в образах стихотворения. Мысль о познании себя через свою поэзию — особенная, характерная именно для Шевырёва: как Бог созерцает Себя в мире в самый миг рождения мира, так человек познаёт себя в своём творчестве. Ибо созданное есть загадка и объект осмысления: что именно удалось. Сказанное поэтом — сказалось через него, не сочинено им, но послано ему и выражено через него.

В стихотворении «Стансы» (1828) поэт говорит о свободе от природы как условии возвышенного мышления: не днём, а в ночи, когда природа безмолвна, «...мысль возвышена, светла»³⁸. Более того, день вызывает страх, ибо угашает мысли («Немая ночь, прими меня...», 1828), и поэт «бежит» в ночь,

Где искры мыслей освещают
Кипящий призраками мрак³⁹.

Темнота последней глубокой ноты тут же снимается: ночь как мрак, кишащий призраками, отнюдь не безотрадна. Вера в силу мысли характерна для ранней стадии русской мыслительной культуры.

Наконец, стихотворение «Мысль» (1828) всецело посвящено обозначенной теме. Это восторженная ода мысли, её победному шествию — возрастанию сначала в одном сознании: «Падёт в наш ум чуть видное зерно / И зреет в нём, питаясь жизни соком...»⁴⁰. Далее зерно превращается в пышный ливанский кедр, который прочнее миллионов людских жизней и который возвышается над всем преходящим. Подробности в описании дерева — они же и характеристики мысли: краса, увенчанная звёздами глава, благословенная слава.

Но это лишь первая, явная грань образной картины. Важно отметить и её усложняющую глубокую ноту: это древо прочнее, — заключает поэт, — и того уже «истлевшего» человека, чьей жизнью питалось зерно мысли. Своей кровью — дважды повторяется в стихотворении — собой, ценой своей жизни взращивает человек мысль, не созданную им, но павшую в его ум помимо его воли, и он только жертвенно служит питательной почвой этой посланной ему мысли, ради её великолепного, но неведомого ему будущего. Взращивание мысли — это не вдохновенная игра, но нешуточная, тяжкая, ценой жизни, работа. Так эта восторженная ода мысли не только воспевает её бессмертие, но и безвестное жертвенное служение ей. Важно подчеркнуть: скорбная нота снимается волей поэта.

А. С. Хомяков (1804–1860) в своих стихотворениях (их около сотни) воплощает названную ключевую тему идеального поэта, *венца творенья*. Но звучала ли в стихах его важнейшая гносеологическая идея — всецелый разум? В 1830–1840-х гг. тема мысли⁴¹ была актуальна для поэта, позднее она будет погашена религиозной доминантой. Мысль представляла как одна из главных ценностей жизни. Так, в неожиданной смерти в ночи («На сон грядущий» (1831)) поэта страшит прежде всего угроза утратить вмig «...мыслей гордое паренье...»⁴².

Стихотворение «Думы» (1831) делает тему центральной. Это разговор поэта с собственными думами: они взывают к нему в полосе его светской жизни, с шумом, с блеском ума, с взорами юных дев, но всё это, как вещают восставшие из глубины думы, преходящe, а поэту подобает одно — всецело предаться им, думам, которые могли бы увенчать его главу «бессмертными венцами»⁴³. В ответ поэт просит подождать краткий срок, как бы предвидя будущее,

³⁸ Там же. С. 54.

³⁹ Там же. С. 66.

⁴⁰ Там же. С. 49.

⁴¹ Можно отметить наблюдение Е. О. Непоклоновой: «Достаточно частотными словами у Хомякова “мысль”, “думы”, “суд”, “речь”, “глас/голос”...» [Непоклонова, 2007: 356].

⁴² Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Ленинград: Советский писатель, 1969. С. 93.

⁴³ Там же. С. 95

когда сфера мысли станет для него главенствующей: «Настанет вдохновенный час: / И к жизни звучной и свободной / Могучий, вызову я вас»⁴⁴. Такова основная идея стихотворения — готовность поэта в положенный час отдаваться мыслительной жизни и уверенность в своём предстоящем полновластном владении мыслями. Но при этом как бы промедление перед этим решающим поворотом.

Единство ума и души Хомяков, вслед за Веневитиновым, утверждает в стихотворении «В альбом С. Н. Карамзиной» (1832): Петербургу, «гранитной пустыне», противопоставлен «мирный кров», где «ум в согласии с душой»⁴⁵. Связь ума с любовью звучит беглым намёком в стихотворении «К А. О. Р_<оссет» (1832). Поэт, «питомец ясных дум»⁴⁶, обращается к той, в чьей жизни нет мыслей и нет любви. В этих мотивах можно усмотреть раннее проявление хомяковской идеи целостного духа.

Кульминирует же мысль о мысли у Хомякова в послании «К И. В. Киреевскому» (1848), оно начинается приведёнными восторженными словами друга:

Ты сказал нам: «За волною
Ваших мысленных морей
Есть земля; над той землею
Блещет дивной красотою
Новой мысли эмпирей»⁴⁷.

Образная картина требует истолкования: волны «мысленных морей» указывают на земное мышление, за которым есть «земля», прочная опора в познании, над которой блещет «небо» новой, райской мысли. Её существеннейший признак — красота. На это духовное мышление можно только указать как на сияющее над дальней землей небо, выраждающее идею нового познания верующим разумом, устремляющимся в эмпиреи веры. Хомяков добавляет к словам друга обращённый к нему призыв подняться туда и вернуться с обретённым знанием, что будет для души источником

покоя, для воли — крепости, для сердца — пищи. Так, по сути, резюмирует Хомяков: новое познание будет отрадным для всецелого человека. Мысль философа-гносеолога отразилась у поэта в перечислении тех сфер цельного человеческого духа, которые благодарно отзовутся на новое познание: душа, воля, сердце.

Патетически утверждаемое желание поэта оторваться от обычных и заурядных (этот оттенок явственен в словах Киреевского) «мысленных морей» и страстное стремление к сияющему всецелому разуму одушевляло искания философов, усвоивших уроки немецкой традиции и ощущивших за ней высокие предвещания (впрочем, в ней не удовлетворенные вполне: любомуудры были склонны видеть главенствующим в немецкой философии рассудочное начало). Поэзия любомуудров отразила чаемые ими перспективы мысли — впрочем, только в некоторых проблесках. Так у Веневитинова это «ясный луч высоких дум», стремящихся к Духу «на крыльях любви»; у Шевырева — незыблемая прочность, неуничтожимость мысли; согласие ума и сердца, мысли и любви — у Хомякова; стремление к цельности духа — у всех трёх поэтов-любомуудров. И если светлая тональность их поэтических идей порой омрачается, то всякий раз усилие этих оптимистов познания возвращает незыблемую веру в мысль.

Эволюция процесса концептуализации творческой саморефлексии поэта: Е. А. Баратынский

Е. А. Баратынский (1800–1844), поэт того же поколения, что и любомуудры, но мыслитель иной, скептической, порой иронической тональности, углублял линию мысли и познания в русской поэзии.

Но прежде, чем обратиться непосредственно к поэтической феноменологии мысли у Баратынского, сделаем отступление: покажем, как основная тональность

⁴⁴ Там же. С. 96.

⁴⁵ Там же. С. 100.

⁴⁶ Там же. С. 98.

⁴⁷ Там же. С. 126.

философской лирики поэта воспринимается зарубежными авторами. Если в европейской русистике поэтам-любомудрам почти не уделяется внимание, то поэзия Баратынского оказывается в поле зрения ряда авторов, и общий, кажущийся устоявшимся, взгляд отражается в обобщающих трудах по истории русской поэзии и литературы. Так, в описании автора Оксфордской истории русской поэзии [Bristol, 1991] Баратынский — единственный философский поэт в круге Пушкина, причём философия поэта характеризуется исключительно как соотношение разума и чувств: «...he dismissed the reason as a meaningless faculty, but he was not yet able to trust the passions» [Bristol, 1991: 116]. Он отверг разум, — считает автор монографии, — как бессмысленное качество, как полную противоположность чувствам, но также не доверял и страстям. Мыслительной системы, бывшей источником его поэзии, исследователь не усматривает: «His poetry emanates not from a system of thought...»; в отвержении же и разума, и страстей автор видит источник меланхолии поэта («the springs of his melancholia» [Bristol, 1991: 116]). Влияние Шеллинга отмечается особо: оно подняло поэзию Баратынского на новый уровень, сказалось в понимании искусства; гениальность он воспринимал как метафизическое качество: «...he praised the faculty of genius as a metaphysical entity...» [Bristol, 1991: 118]. Кембриджский автор, много пишущий о русской поэзии, М. Вахтель, даёт лишь краткое упоминание о Баратынском, отмечая его уникальный мрачный тон и сложный язык: «...developed a distinctly brooding tone and a complicated syntax and language unique in his day» [Wachtel, 2004: 6]. Автор Кембриджской истории русской литературы [The Cambridge history..., 1992], называя Баратынского поэтом мысли, а его лирику — поэзией идей («...poetry of ideas, psychological and philosophical...» [Mersereau, 1992: 147]), подчёркивает глубокую меланхолию и пессимизм: «Pessimism about poetry, the poet's lot, love, culture, and the future is a common denominator of these lyrics» [Mersereau, 1992: 147]. В том же ключе трактует основной

философский тон поэзии Баратынского и немецкая «История русской литературы»: «...in einer gleichgültigen Natur einem unausweichlichen Schicksal ausgeliefert...» [Städtke, 2011: 144] — участь поэта показана как пребывание в равнодушной природе и как преданность неумолимой судьбе, так что в итоге особенностью лирики Баратынского становится беспощадный и опережающий современность нигилизм, особенно в позднем сборнике «Сумерки»: «Ein erbarmungsloser und auf die Moderne vorausweisender Nihilismus klingt in der letzten zu Lebzeiten gedruckten Sammlung Sumerki (Abenddämme rung, 1842) an...» [Städtke, 2011: 144].

Далее будет показано, что Баратынский не отверг разум и что причина того, что описывается как мрачность и пессимизм, была весьма глубокой. Если это и не породило «систематической» философии, то в мыслительной картине поэта можно усмотреть глубокую познавательную драму, выраженную в его стихах с достаточной ясностью. Не стремясь в контексте этой статьи охватить огромное поле русской исследовательской литературы о философичности поэзии Баратынского, отметим только: то, что было названо выше познавательной драмой поэта-философа, не было ранее описано.

Действительно, Баратынский не мог сохранить светоносности первого расцвета мысли, которая распахнула свои горизонты до всемирности. Поэзия Баратынского отразила вхождение духа в полосу испытаний. Мысль, которая, казалось бы, обрела искомую гармонию с сердцем в самом начале своего пути, у Баратынского утрачивает эту непрочную связь. Мысль проходит теперь через острые и мучительные столкновения чаемого и возможного в познании. На долгом пути к соловьёвской философии цельного знания русские поэты должны были пройти через скепсис, разуверения, отчаяние. Баратынский был первым на этом пути. Его точный, философически настроенный ум первым оценил Пушкин, отметив уже в 1827 г. «...и точный ум, и слог примерный...»⁴⁸ своего друга-поэта.

⁴⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Ленинград, Наука, 1977. С. 39.

И этот ум стремился с ранних лет к достоверному познанию мира. Для Баратынского, как и для его современников-любомудров, ценность мышления была чрезвычайно высока (при этом он не разделял романтический пафос в теме поэта как венца творения). Так, воспоминание о родных местах связано у Баратынского с главным в его детстве — с пробуждением мысли: «Дол, первых дум моих лелеятель приветный!»⁴⁹ — так обращается поэт к родным просторам своей усадьбы. Он всегда стремился к «знанию бытия»⁵⁰, противопоставляя трудную долю «знания бытия приявших» участи тех, кто «бодр неопытным умом»⁵¹ и потому полон надежд. Свои жизненные пути поэт измерял ростом мысли: «Теперь важней мой ум, зрелее мысль моя...»⁵².

Главная особенность его мысли — устремлённость за грань земного. Именно отсюда, из главенствующей интенции его ума, вытекает малая значимость всего земного для поэта. Сущность его познавательной драмы — в невозможности достичь желаемого высшего знания. Отнюдь не является первостепенным в стихах Баратынского столкновение рассудка и души, как нередко, начиная с В. Брюсова⁵³, интерпретируются стихи поэта: то — как утверждение рассудочности, то — как отрицание её.

Ярче всего драматизм познавательной ситуации выsvечивается в стихотворении Баратынского «Всё мысль, да мысль!..» (1832). В нём выражено острое и сложное наблюдение — о разящей силе мысли в искусстве слова, которому обречён служить поэт: перед ним неотступно мысли — о человеке, о свете, о смерти, о жизни и о правде. Другие искусства, чувственные, означенные как «резец, орган, кисть»⁵⁴, по мысли поэта, влекут к себе именно своим

чувственным началом, и тот, кто не *ступает за грань воспринимаемого*, — «счастлив»:

...счастлив, кто влеком
К ним, чувственным, за грань
их не ступая...⁵⁵

Счастлив, — утверждает поэт, — тот, кто влеком к чувственному! Сам же он, по логике стихотворения, не из их числа. Его мысль устремлена *как раз* «за грань», она именно *ступает за* пределы чувственного: и потому для жизни земной она как нагой меч. Обесценивание всего земного — это расплата за стремление мысли к сверхчувственному. Именно в этом своеобразие поэта, и в этом стихотворении Баратынский продумывает собственную мыслительную ситуацию, не ограничиваясь, подобно любомуудрам, провозглашением возвышенного стремления к высшему, небесному.

Любомуудрам не ведома была и та драматическая глубина отторжения земного, какая выражена в стихах поэта. Если он ищет отдохновения от мысли в приобщении к радостям бытия — к примеру, к весеннему пробуждению жизни, то искомое оказывается неисполнимым, забвенье не даётся. Так, в стихотворении «Весна, весна! Как воздух чист...» (1835) поэт отмечает воздействие «пира» природы: «...счастлив, кто на нём // Забвенье мысли пьёт...»⁵⁶. Но это *счастье забвения* он не относит к себе, в подтексте с очевидностью звучит: я не знаю этого счастья. Если поэт говорит: «Блажен кто верует, тепло ему на свете», то подразумевает: но мне — не тепло.

Не само по себе отрицание жизни мышлением значимо здесь, подобная трактовка была бы упрощением мысли Баратынского. И даже не только в стремлении мысли пре-

⁴⁹ Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Сов. писатель, 1989. С. 176.

⁵⁰ Там же. С. 101.

⁵¹ Там же. С. 100.

⁵² Там же. С. 9.

⁵³ См.: Брюсов В. Я. Мировоззрение Баратынского // Собрание сочинений. Т. 6. Москва: Художественная литература, 1975. С. 38.

⁵⁴ Там же. С. 167.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 174.

одолеть грань земного самобытность поэта, но, более, в очевидности: осуществление этого стремления есть нечто должное. Оно заложено в органической приобщённости поэта к сверхчувственному, чего не дано большинству, «толпе». «Толпе тревожный день приветен, но страшна // Ей ночь безмолвная...»⁵⁷ — так начинается стихотворение поэта (1839), где те же образы дня и ночи, что и у любомудров. Ночь желанна для мысли, и *страшен* день — явственно звучит шевырёвская нота. Но поэт от этого посыла отталкивается, развивая мысль далее, к призыву обратиться к освобождающему познанию ночи: «*Ощупай* возмущённый мрак: // Исчезнет, с пустотой сольётся // Тебя пугающий призрак»⁵⁸. Мысль поэта устремляется в «заочный мир», который *за очами и очам* невидим, — и там, в невидимом человеку толпы, поэт — «весёлый семьянин, // Привычный гость на пире // Неосязаемых властей»⁵⁹, то есть он *гость* сверхчувственных духовных сущностей — привычный гость, как изумительно себя характеризует поэт. Он уверен в своём праве на высшее: перед познающей мыслью устрашающий призрак ночи исчезнет,

...а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата⁶⁰.

Помеху, препятствующую созерцанию, можно отстранить, и сверхчувственный мир, обитель духов, уверяет поэт, *откроет врата*. Поразительна уверенность, с которой поэт пишет в этот миг своей жизни о своём сродстве со сферой духов. Он ставит задачей познание двойное, в его полярности: «Две области — сияния и тьмы // Исследовать равно стремимся мы»⁶¹ («Благословен святое возвестивший!..», 1839).

К миру «тьмы» устремлялась мысль поэта, когда перед ней вставала драматическая тема: вопреки высоким возможностям, вопреки глубинному родству с духовным миром и настойчивому стремлению в эту именно сферу, состояние ума не позволяет проникнуть к искомому. Так, в стихотворении, начинающемся с вопроса: «Когда исчезнет омраченье // Души болезненной моей?»⁶² (1832) — это *омрачение* связывается с демоническим вмешательством:

Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня...⁶³

Демоническим, затемняющим («чадным») воздействием объясняет поэт омertevие ума, закрывающее искомое познание, возможность созерцать «...луч блестящий // Всеозаряющего дня»⁶⁴. И порой надежда кажется неисполнимой, бескрылая мысль — бессильной. Так остро-драматически звучит у Баратынского то, что выразилось однажды у Веневитинова: Дух закрыл себя завесой тайны. При том, что в переживании поэта искомая область по самой сути вещей должна быть открыта познающему духу.

Тема неодолимости помех на пути мысли, стремящейся к духовному, воплощается и в развернутой аллегории стихотворения «Осень» (1837): сопоставляются пахарь, пожинающий плоды трудов, и мыслитель, в finale пути собирающий скучные «зерна дум»⁶⁵, обретающий не гармонию, но «мертвящий душу хлад»⁶⁶. Надежда поэта лишь на опыт иного бытия в посмертии, оно названо «цветущим берегом за мглою чёрной»⁶⁷. Эта чёрная преграда между мирами почти непреодолима при жизни, это

⁵⁷ Там же. С. 192.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 193.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 165.

⁶³ Там же. С. 166.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 186.

⁶⁶ Там же. С. 188.

⁶⁷ Там же.

не тот шевырёвский *мрак*, который можно осветить искрами мыслей. Лишь в самом конце пути можно увидеть издали искомый мир и увериться, что там «бытия мятежные голоса» будут примирены и наступит *понимание* высшего «промысла» и приятие его — высший мир даст «утоленное разуменье»⁶⁸. Так поэт ожидает от перехода в иную жизнь именно понимания, которого он напрасно искал на земле. И далее мысль делает следующий ход: этот взгляд издали в высший мир и есть постигнутая «наука», но «...не найдёт отзыва тот глагол, / Что страстное земное перешёл»⁶⁹. Слово поэта не сможет передать никому его позднего знания.

В целом, в стихах Баратынского сталкиваются две темы. С одной стороны, тема духовных прозрений — речь идёт об органической причастности к светлому миру духовных существ, «неосязаемых властей», о способности проникать в их сферу. С другой — невозможность познания этого мира своей мыслью, по своей воле: прорывы в высшее редки, но, даже при отдельных ослепительных прозрениях, неотступно жалаемое познание не может стать прочным достоянием. Причина — в воздействии тёмных сил, ставящих неодолимые помехи на пути мысли. Именно то, что, казалось бы, предначертано поэту, что присуще его духовной природе, — познание высшего — оказывается в зависимости от сил зла, от чёрной мглы между мирами. Такова познавательная драма поэта.

Поэты-любомудры не знали этой драмы, возможно, лишь отдалённо предугадывали её. Их поэтические наблюдения, беглые мысли, были лёгкими отражениями жизненно важных для них философских тем, и поэтическая феноменология мысли порой обогащала их мыслительные построения и глубокими эмоциями, и значимыми оттенками смысла. Высокое и пафосное утверждение новых горизонтов в познании мира было у этих поэтов явным знаком первых философских откровений, когда они облекали свои гносеологические

интуиции в поэтические образы. Драматическая тональность феноменологии мысли у Баратынского определялась своеобразием его духовной личности: поэт строгого ума, дистанцируясь от отвлечённой мысли и чуждаясь оптимистического пафоса своих современников, обнаруживает, что мысли не отвечают жажде всецелой истины, которая живёт в его душе. Чуткость поэта к злу мира позволяет ему связать ограниченность мыслительных проникновений в высшее сискажённостью человеческой природы, с действительностью зла, которое проникает и в познание. И в этой ситуации гармония разума и души, то, что казалось достигнутым у любомудров, по крайней мере провозглашалось ими как достигнутое, оказывается в опыте поэта мнимостью: боль жизни и холод души вытекали из обречённости жить в круге мыслительных стремлений, никогда не осуществляемых вполне.

Заключение

Завершая исследование, необходимо ещё раз уточнить, что концептуализация саморефлексии поэтического творчества поэтами-любомудрами опирается прежде всего на такие философские понятия, как *ум, мысль и познание*. Известно, что они почерпнуты одновременно из отечественной атмосферы книжности, но переосмыслены в том числе под влиянием немецкой философской традиции. Однако на описанном этапе развития российской культуры из фрагментарных звучаний рассмотренных концептов, из попутных употреблений в рамках иных лирических тем, прежде всего темы поэта, эти новации перерастают в стабильные и узнаваемые поэтические мотивы, которые выстраиваются в тематические линии. Так, тема мысли зазвучала наряду с темой вдохновения, а тема *ума* — как неотъемлемая оппозиция к теме сердца. *Ум, мысль, познание* в поэтических творениях любомудров обогащались, увеличивая свою смысловую ёмкость,

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 189.

становились многосмысленными концептами, объединяющими образ и мысль. То есть становились концептами в глубинном смысле этого слова — зачатками, ядрами будущих концепций. Если, возвращаясь назад, для поэта XVIII в. «я мыслю» означало «я полагаю, что...» — далее следовало то или иное рациональное суждение о чём угодно. Для поэта первой трети XIX в. «я мыслю» значило: я познаю мир, мир земной и мир божественный, а также себя в нём, выражая в стихах то, что рождается в уме, свою мысль о мире, а также и мысль о самой мысли, свою радость познания или свою скорбь о его ограниченности.

Первый из описанных этапов выявил светлые грани названных концептов, проявленные в первых познавательных восторгах. Это был новый опыт личности, казалось бы прочно объединивший ум с сердцем, что интенсивно переживалось и на этом этапе, и в дальнейшем становлении русской культуры.

Далее в строгой рефлексии вскрылась непрочность ранних обретений, обнаружилась вся сложная, даже драматическая сущность процесса познания —

в его пристальном созерцании. Тем самым второй этап эволюции рассматриваемых концептов, прослеженный на материале творчества современника поэтов-любомудров и отчасти их оппонента Баратынского, выявил теневые стороны познания, его непреодолимую ограниченность, а в утверждении её — открытое противостояние почти не замутнённому оптимизму первого этапа, что фиксируется читателями Баратынского как его пессимизм, мрачность, разочарование. Мысли, думы, ум, — весь процесс познания в поэтических отражениях не воспринимается более как источник полноты и истины, способный схватывать сущность бытия. И это только начало пути — к продуманной и развёрнутой, выношенной в десятилетиях русской философской культуры. На описанном этапе концепты (ум, разум, мысль, дума, размышление, познание и другие из этого ряда) уже перестали быть *прото-концептами*; они обрели точные и глубокие смыслы, но ещё не развернулись в *концепции* в лирике поэтов, хотя и проявили первые сущностные черты складывающейся русской мыслительной традиции.

Список литературы:

- Бибихин В. В. Грамматика поэзии. — Санкт-Петербург: ИД Ивана Либмана, 2009. — 592 с.
- Васильев А. А. Место славянофилов в истории русской философии и политico-правовой мысли // Политика и общество. — 2010. — № 1. — С. 58–70.
- Греков В. Н. «...Следует лишь закону, заложенному в его сердце» (архетип и образ в философской эстетике любомудров и славянофилов) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2012. — № 4. — С. 93–106.
- Греков В. Н. От «запечатанного слова» к «запечатанному бытию» (Эволюция образа молчания в публицистике и поэзии 1830-х – 1870-х годов) // Русская литература и журналистика в движении времени. — 2020. — № 1-1. — С. 173–193.
- Денисов В. Д. Наследие «любомудров» и сборник «Арабески» Н. В. Гоголя // Культура и текст. — 2021. — № 1. — С. 14–30. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-14-30>
- Ермичев А. А. Три времени «золотого века» русской философии // Русская философия. — 2022. — № 1. — С. 9–27.
- Капилупи С. М., Сильтантьева М. В., Экзистенциальный реализм в литературе, философии и культуре XIX-начала XX вв.: рецепция традиции (А. Мандзони, Ф.М. Достоевский и Н.А. Бердяев) // Ricerche slavistiche. Nuova serie. — 2015. — № 13. — С. 129–152.
- Киселев В. С., Пушкарёва Ю. Е. Немецкие источники итальянского текста в творчестве любомудров: В.-Г. Вакенродер и В. Ф. Одоевский // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 447. — С. 28–37.

Климова С. М. Достоевский и Витгенштейн: «от оснований логики до сущности мира» // История философии. — 2023. — Т. 28, № 1. — С. 41–53. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2023-28-1-41-53>

Колесников А. С. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 8–36.

Константинова Л. В. Документы канцелярии Московского архива Коллегии иностранных дел как источник по истории «общества любомудрия» // XI Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925–1995). — Новокузнецк: Арт-экспресс, 2016. — С. 66–74.

Константинова Л. В. Любомудры о европейском просвещении и европейской культуре // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. — Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2022. — С. 100–103.

Коясов Г. В. Бессмертие творческой мысли в лирике С. П. Шевырева // Сибирский филологический журнал. — 2006. — № 3. — С. 3–7.

Кошарный В. П. Формирование учения о целевом знании в русской гносеологии XIX в. (от любомудров до В. С. Соловьева) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2013. — № 4. — С. 59–67.

Кошемчук Т. А. Из первой науки Пушкина: мысли об уме и мышлении в стихотворениях поэта и православный контекст // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2025. — № 1. — С. 107–118. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1\(56\).107-118](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1(56).107-118)

Непоклонова Е. О. Мир как общение в поэзии А. С. Хомякова // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. Т. 2. — Москва: Языки славянских культур, 2007. — С. 348–358.

Носов А. Философия и эстетика любомудров // Вопросы литературы. — 1981. — № 9. — С. 247–255.

Пигалев А. И. Примирение философии с поэзией в немецком и русском романтизме // Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию со дня рождения Е. А. Баратынского. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2023. — С. 13–20.

Подорога В. А. О чем спрашивают, когда спрашивают, что такое философия? // Торос: философско-культурологический журнал. — 2012. — № 1. — С. 27–35.

Рамазанова Г. Г. Поэзия В. Г. Бенедиктова в оценке московской и петербургской критики 1830-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2011. — № 2. — С. 112–116.

Сасаян К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. — Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1987. — 198 с.

Симонов Ю. П., Королев А. А. Концептуализация понятия “Европейский дом”: французский акцент // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 1. — С. 9–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.02>

Федорова О. А. Представление о предназначении художника и поэзии в творческом наследии любомудров // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 85–90.

Щербатова И. Ф. Д. В. Веневитинов: рецепция идей Шеллинга в контексте неакадемического философствования // Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2024. — Т. 7, № 4. — С. 42–71. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2024-7-4-42-71>

Юрина Н. Г. Специфика русской философской лирики XIX века: от любомудров к Вл. Соловьеву // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2017. — № 1. — С. 250–259.

Bristol E. A History of Russian Poetry. — New York: Oxford University Press, 1991. — 372 p.

Mersereau J. The nineteenth century: romanticism, 1820–40 // The Cambridge history of Russian literature / Ed. by Ch. A. Moser. — Cambridge University Press, 1992. — P. 136–188. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521415545>

Städtke K. Vom Ende des 18. Jahrhunderts bis zum Krimkrieg (1853) // Russische Literaturgeschichte. — Stuttgart: J. B. Metzler, 2011. — P. 114–163. https://doi.org/10.1007/978-3-476-00676-9_3

The Cambridge history of Russian literature / Ed. by Ch. A. Moser. — Cambridge University Press, 1992. — 653 p. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521415545>

Wachtel, M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. — New York: University Press, 2004. — 166 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606700>

References:

- Bibikhin, V. V. (2009) *Grammatika poezii* [Grammar of poetry]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publ. (In Russian).
- Bristol, E. (1991) *A History of Russian Poetry*. New York: Oxford University Press.
- Capilupi, S. M. and Silantyeva, M. V. (2015) 'Ekzistentsial'nyy realizm v literature, filosofii i kul'ture XIX – nachala XXI vv.: traditsiya retseptsii (A.Mandzoni, F.M.Dostoyevskiy i N.A.Berdyayev) [Existential realism in literature, philosophy and culture of the 19th – early 20th centuries: the rec', *Ricerche slavistiche. Nuova serie*, (13), pp. 129–152. (In Russian).
- Denisov, V. D. (2021) 'Heritage of "lyubomudrs" and the collection "arabesques" by N. Gogol', *Culture and Text*, (1), pp. 14–30. (In Russian). <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-14-30>
- Ermichev, A. A. (2022) 'Three times of the "golden age" of russian philosophy', *Russian philosophy*, (1), pp. 9–27. (In Russian).
- Fedorova, O. A. (2018) 'Representation of the destiny of the artist and poetry in the creative heritage of philosophers', *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (1), pp. 85–90. (In Russian).
- Grekov, V. N. (2012) 'Archetype and image in the philosophical aesthetics the lubomjudres and the slavophiles', *Lomonosov journalism journal*, (4), pp. 93–106. (In Russian).
- Grekov, V. N. (2020) 'From a "sealed word" to a "sealed being" (evolution of the image of silence in journalism and poetry of the 1830s - 1870s)', *Russkaâ literatura i žurnalistika v dviženii vremeni*, (1–1), pp. 173–193. (In Russian).
- Kiselev, V. S. and Pushkareva, Yu. E. (2019) 'German sources of the italyan text in the works of the lyubomudry: W.-H. Wackenroder and V. F. Odoevsky', *Tomsk State University journal*, (447), pp. 28–37. (In Russian).
- Klimova, S. M. (2023) 'Dostoevsky and Wittgenstein: "From the Logic toward the World"', *History of Philosophy*, 28(1), pp. 41–53. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2023-28-1-41-53>
- Kolesnikov, A. S. (2000) 'Filosofia i literatura: sovremennyi diskurs [Philosophy and Literature: Modern Discourse]', in *Istoriâ filosofii, kul'tura i mirovozzrenie* [History of philosophy, culture and worldview]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., pp. 8–36. (In Russian).
- Konstantinova, L. V. (2016) 'The records of the office of the moscow archive of ministry of foreign affairs as a source on the history of the "society of lubomudry"', in *XI Chtenija, posviashchennye pamiatii R. L. lavorskogo (1925–1995)* [XI Readings dedicated to the memory of R. L. Yavorsky (1925–1995)] [. Novokuznetsk: Art-ekspress Publ., pp. 66–74. (In Russian).
- Konstantinova, L. V. (2022) 'Lyubomudry about the european enlightenment and european culture', in *Problemy i tendentsii razvitiia sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii: istorija i sovremennost'* [Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: history and modernity]. Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi inzhenerno-tehnologicheskii universitet Publ., pp. 100–103. (In Russian).
- Kosharnyy, V. P. (2013) 'Formation of teaching of integral knowledge in russian gnosiology of XIX century (from wisdom lovers to V. S. Solovyev)', *Izvestiâ vysšíh učebnyh zavedenij. Povolžskij region. Guumanitarnye nauki*, (4), pp. 59–67. (In Russian).
- Koshemchuk, T. A. (2025) 'From Pushkin's first science: thoughts on mind and thinking in poetry and orthodox context', *Memoirs of NovSU*, (1), pp. 107–118. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1\(56\).107-118](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1(56).107-118)
- Kosyakov, G. V. (2006) 'Bessmertie tvorcheskoi mysli v lirike S. P. Shevyreva [The immortality of creative thought in S. P. Shevrev's lyrics]', *Sibirskij filologičeskij žurnal*, (3), pp. 3–7. (In Russian).
- Mersereau, J. (1992) 'The nineteenth century: romanticism, 1820–40', in *The Cambridge History of Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 136–188. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521415545>
- Moser, C. (ed.) (1992) *The Cambridge History of Russian Literature*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521415545>
- Nepoklonova, E. O. (2007) 'Mir kak obshchenie v poezii A. S. Khomiakova [The world as communication in the poetry of A. S. Khomyakov]', in A. S. Khomiakov — myslitel', poet, publitsist. T. 2. [A.S. Khomyakov — thinker, poet, publicist. Vol. 2]. Moscow: lazyki slavianskikh kul'tur Publ., pp. 348–358. (In Russian).
- Nosov, A. (1981) 'Filosofia i estetika liubomudrov [Philosophy and aesthetics of the lubomjudres]', *Voprosy Literatury*, (9), pp. 247–255. (In Russian).

Pigalev, A. I. (2023) "Primirenie filosofii s poeziei v nemetskom i russkom romantizme [Reconciliation of Philosophy with Poetry in German and Russian Romanticism]," in *Poeziia mysli: ot romantizma k sovremennosti. K 220-letiu so dnia rozhdeniya E. A. Boratynskogo* [Poetry of Thought: from Romanticism to Modernity. On the 220th anniversary of the birth of E. A. Boratynsky]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., pp. 13–20. (In Russian).

Podoroga, V. A. (2012) 'What Does One Ask About When One Asks «What Is Philosophy?», *Topos*, (1), pp. 27–35. (In Russian).

Ramazanova, G. (2011) 'V. Benediktov's poetry in the Moscow's and St. Petersburg's criticism of 1830s', *Bulletin of the MSRU. Series Russian philology*, (2), pp. 112–116. (In Russian).

Shcherbatova, I. F. (2024) 'D. V. Venetinov: Reception of Schelling's Ideas in the Context of Non-academic Philosophizing', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 42–71. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2024-7-4-42-71>

Simonov, Yu. P. and Korolev, A. A. (2021) 'print print Conceptualizing the Common European Home: a French Vision', *Polis. Political Studies*, (1), pp. 9–24. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.02>

Städtke, K. (2011) 'Vom Ende des 18. Jahrhunderts bis zum Krimkrieg (1853)', in *Russische Literaturgeschichte*. Stuttgart: J.B. Metzler, pp. 114–163. https://doi.org/10.1007/978-3-476-00676-9_3

Swassjan, K. A. (1987) *Fenomenologicheskoe poznanie. Propedevtika i kritika* [Phenomenological cognition. Propaedeutics and criticism]. Yerevan: Izd-vo AN Armyanskoy SSR Publ. (In Russian).

Vasiliev, A. A. (2010) 'Slavophiles' Role in the History of Russian Philosophy and Political Thought', *Politics and Society*, (1), pp. 58–70. (In Russian).

Wachtel, M. (2004) *The Cambridge Introduction to Russian Poetry*. New York: Cambridge University Press.: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606700>

Yurina, N. G. (2017) 'Specific features of the russian 19th-century philosophical lyrics: from lyubomudry to Vladimir Solovyov', *Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, (1), pp. 250–259. (In Russian).

Информация об авторе

Татьяна Александровна Кошемчук — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков и культуры речи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, 196601, Санкт-Петербург, город Пушкин, Петербургское шоссе, 2 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Tatiana A. Koshemchuk — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Speech Culture, Saint-Petersburg State Agrarian University, 2A, Petersburgskoe hihgway, Pushkin, 196601 (Russia).

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest / conflict details.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 11.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 11.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.